

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

ВРАЖЬЯ ДОЧЬ

Александр Александрович Тамоников

Вражья дочь

**Серия «Спецназ Ивана
Грозного», книга 4**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41606883

Вражья дочь: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-100752-2

Аннотация

Осень 1562 года. В разгаре Ливонская война. Иван Грозный планирует захват Полоцка, через который лежит прямая дорога к столице Литовского княжества. Лазутчики доносят, что город можно взять малой кровью – нужно только захватить тайный склад половчан с провизией и порохом. Выполнение этой операции поручено особой дружине князя Дмитрия Савельева. Разведчики выходят на дочь посадского купца Анну, которая близко знакома с городской знатью и военачальниками, защищающими Полоцк. Савельев надеется, что девушка покажет им тайный ход к складу, после чего город будет обречен. Князю невдомек, что Анна из тех, кто готовит незванным гостям смертельную ловушку...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Александр Александрович
Тамоников
Вражья дочь**

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Рваные темные тучи плыли по серому небу над городом Полоцком, входившим в те времена в состав Великого княжества Литовского. Порывы ветра поднимали большую волну на Западной Двине, поменьше – на реке Полота, края которой покрылись ледяной коркой.

Осень 1562 года от Рождества Христова выдалась холодной, дождливой. Хотя еще какое-то время назад, когда всю шла страда, людям казалось, что она не наступит никогда. Летние теплые дни захватили сентябрь, когда православные жители княжества отмечали наступление нового года, да и октябрь. Погожая погода перешла даже на ноябрь.

Только в декабре вдруг, буквально в один день, все изменилось. Подул коварный северный ветер, облака набухли, приобрели мрачный свинцовый оттенок. Поначалу хлынули дожди, за ними и снег пошел.

За несколько дней дороги превратились в грязевое месиво, реки поднялись, торговля замерла. Лишь крупным судам удавалось пройти по Двине.

В Полоцке жили люди разной национальности и веры. Они молились в православных церквях и католических костелах. Сама история распорядилась так, что город, ставший когда-то столицей русского княжества, уже двести семьдесят лет был под Литвой. Теперь вот над ним нависла угроза

именно с востока, со стороны Руси, как-то очень уж быстро укрепившейся и ставшей могущественной.

Крестьян, ремесленников, простой люд это не особо волновало. Им при любой власти надеяться на лучшую жизнь не приходилось.

Купеческое сословие в большинстве своем рассчитывало наладить отношения с Москвой и городами Руси, дабы сбывать туда как можно больше своего товара, взамен приобретать меха, воск, мед, льняные ткани, весьма ценимые на Западе. Купцы боялись Руси, но и разумели, что безмерные просторы этого соседнего государства русского сулят им огромные выгоды, коли верно поставить дело.

Только городская знать, представители шляхты и католического духовенства находились в великой тревоге. Приход рати русского Царя не сулил им ничего хорошего. Сдашь крепость, пойдешь в услужение Москве – навлечешь на себя гнев и немилость Сигизмунда Второго Августа, Великого Князя Литовского и Короля Польского. Сядешь в осаду, как знать, долго ли продержишься, решатся ли помочь городу поляки с литвинами? Да, этим господам было о чем тревожиться.

Грязно-серые облака скоро застыли над городом. На Полоцк обрушился снегопад, захвативший Верхний Замок, посады и монастыри. Народ, который был в то время на узких улочках Полоцка, поспешил в дома. Стража укрылась под козырьками стен. Ворота остались открыты, воины смотрели

за ними из башен.

На удивление всем откуда-то издалека вдруг донеслись раскаты грома. Надо же, здесь снег, а где-то дождь с грозой!

– Этого еще не хватало, – проговорил воевода Полоцка Станислав Довойна, бросил взгляд на оконце, в которое были вставлены разноцветные стекла, и сел в кресло перед столом, на котором стояли кувшин с вином, чаши и легкая закуска из куриных крылышек, тушеных с овощами. – Налей, Ян, – сказал он молодому человеку в одежде знатного шляхтича.

– Не хватит ли? – спросил ротмистр Егор Голубицкий, тоже присутствовавший в небольшой тайной комнате воеводского дворца, расположенного на территории Верхнего Замка.

– Вино слабое, хоть немного отвлечет от тревожных дум, – заявил Довойна.

– Да что тревожиться-то, пан Станислав? Русские сколько раз пытались взять крепость? Особо в том старался отец нынешнего русского Царя Великий Князь Василий Третий. И что? Всякий раз неудачно. Так же и с Иваном будет. Подойдет, постоит, обнесет осадю, пока литовские и польские войска не подойдут, и уйдет, как говорят варвары, не солоно хлебавши, – произнес ротмистр.

Довойна взглянул на молодого человека:

– Ян! Эй, пан Глебович! Я же просил!..

– Да, пан воевода, простите.

Он наполнил янтарным вином серебряные чаши.

Ротмистр взял свою и провозгласил:

– За гибель московитов и здоровье Сигизмунда Второго Августа, Великого Князя Литовского и Короля Польского.

– А я поднимаю чашу за наш город Полоцк, – произнес воевода.

– Присоединяюсь, – сказал Ян Глебович.

Все выпили, поставили бокалы на стол.

Воевода перевел взгляд на ротмистра.

– Значит, ты говоришь, Егор, что придет Иван, постоит, осадит крепость, проведает о выходе славной рати из Вильно и Кракова и подастся обратно, как отец его Василий?

– Так и будет, пан Станислав.

– Короткая у тебя память, ротмистр. Кроме Ливонии князь Василий и на Казань ходил безуспешно, и к Астрахани.

– Не понимаю, о чем ты, воевода, – заявил ротмистр и скривился.

– О том, что Василий Третий надеялся на своих бояр да князей, весьма преувеличивал их полководческие способности. Оттого и походы его заканчивались неудачно. Иван же человек совсем другого склада. Он сам прекрасный полководец. Казань с Астраханью тому лучшие примеры. Сколько первому русскому Царю понадобилось времени, чтобы взять Казань, крепость, до того считавшуюся неприступной? Немногим больше месяца с начала осады! А сколько дней продолжался прямой штурм?

– Но Царь Иван ходил на Казань и до этого, в год своего восшествия на престол. Тогда у него ничего не получилось, – проговорил Голубицкий.

– В первый раз Иван остался на Москве, готовился к свадьбе. Потом, осенью того же года, он выходил к столице ханства. Но то был разведывательный поход. Русский Царь тщательно подготовил осаду и штурм, блестяще провел крупную военную операцию. Казань сейчас под властью Москвы. А она не Полоцк.

– Но за ханством были только степняки, разрозненные силы местных народностей, не объединенных единым началом. Каждый князь мнил себя царьком, даже если у него было всего с десяток селений. За нами же стоят Литва и Польша.

Довойна невесело усмехнулся.

– А кто стоял за Нарвой и Дерптом, уже завоеванными русскими? Не Сигизмунд ли Август со всей мощью Великого княжества Литовского и Польского Королевства? И что, мой разлюбезный ротмистр, помогло это гарнизонам названных крепостей? Сейчас Русь сильна как никогда. Разве всего с десяток лет назад мы могли представить, что Москва будет угрожать нам? Но Иван Грозный создал армию, способную сражаться с любым противником. Примеров тому много. Эта армада готовится пойти на наш город. Сейчас она под предводительством Царя в Можайске, но надолго там никак не задержится. Так что, панове, ждут нас непростые времена.

Ротмистр вздрогнул и сказал:

– Но и Сигизмунд Август не сидит сложа руки. Пограничным чинам передан высочайший наказ привести все укрепления в порядок, усилить сторожевую службу и направить на Русь лазутчиков. Готовится сбор рати. Я не сомневаюсь в том, что Литва и Польша смогут отразить нашествие московской орды. Насколько мне известно, ведутся переговоры и с Крымским ханом Девлет-Гиреем, дабы тот вторгся в московские земли этой зимой, если не вышло поздней осенью. Чем они закончатся, я не знаю, но уже само то обстоятельство, что такие переговоры ведутся, конечно же известно русскому Царю. Он не может не учитывать, что крымцам будет очень выгодно напасть на Русь тогда, когда Иван уведет войска на запад. Их и сейчас в Ливонии уже много, будет еще больше, а у Москвы мало что останется. Девлет-Гирей наверняка сожжет ее. Так что особых причин для волнения я не вижу.

Довойна поднялся с кресла, повернулся к оконцу и произнес:

– Если бы дело обстояло именно так, как ты говоришь, ротмистр. Но пока мы имеем только известие о намерениях русского Царя захватить наш город.

– А Крымский хан?..

– Ты не знаешь коварство Девлет-Гирея? Меня немного успокаивает то, что начинать поход в преддверии зимы, а значит, вести войну в холода, не просто неудобно, но и губительно. Даже без сражений. Однако русский Царь непред-

скажем.

– Какой смысл гадать, панове? – сказал Голубицкий. – Мы собрались здесь вовсе не за этим. Нам надо встретиться с посланником московского князя Андрея Старонова, желающего устроиться в нашей цивилизованной стране. Кстати, отчего его до сих пор нет здесь?

Воевода присел в кресло и проговорил:

– Пан Чиняев, тот самый посланник, уже в Полоцке. Он с минуты на минуту должен появиться у нас.

– Откуда известно, что этот Чиняев в городе? – спросил Голубицкий.

Довойна усмехнулся и проговорил:

– У каждого свои тайны, не так ли, пан ротмистр? Я же не спрашиваю тебя о твоих отношениях с прекрасной Луизой, женой престарелого пана Гревича.

У ротмистра заиграли желваки на скулах.

– Кто сказал тебе об этом, воевода? Я убью этого сплетника!

– Не стоит, Егор. Кто сказал, тот и сам скоро умрет.

– Не понимаю, пан Довойна.

– Я имею в виду пана Гибора Гревича, супруга прекрасной Луизы.

Ротмистр выглядел растерянным.

– Пан Гревич знает о моих отношениях с его женой? – спросил он.

– Да.

– Но откуда?

– Луиза и рассказала ему. Но ты поговори с ней сам, потом. Сейчас не до того. Все, достаточно о пустом!

Тут в двери заглянул Юргис Вестар, слуга Довойны, и доложил:

– Пан воевода, прибыл тот человек, которого вы ждете.

– Где он?

– В соседней комнате.

– Веди его сюда и принеси хорошего вина, Юргис.

– Да, пан воевода.

Вскоре в тайную комнату вошел высокий сутуловатый человек со светлыми волосами и бородой, смахивающий больше на литвина, чем на русского.

– Доброго здравия, Панове. Чиняев Мартын сын Иванов, посланник князя Старонова Андрея Андреевича. Вот вам грамота от него, – сказал он и передал воеводе свиток.

Довойна прочитал бумагу, вернул ее, кивнул на лавку:

– Садись.

Чиняев присел.

– Умаялся в дороге? – спросил воевода.

– Есть немного. Спешил очень.

– Отчего спешка?

– Таков наказ князя был. Быстрее добраться до Полоцка, отдохнуть здесь, ехать в Вильно, потом в Краков.

Довойна, Голубицкий и Глебович переглянулись.

– По каким делам тебе туда надо? – осведомился пан Ста-

нислав.

– Извиняй, воевода, – ответил Чиняев. – Это касается только князя Старонова. При всем уважении к тебе я ничего сказать не могу.

Ротмистр кивнул и сказал:

– Ладно. Нас на самом деле не волнуют дела московского князя. Так что он велел тебе передать нам?

Чиняев посмотрел на кубок, чаши.

Тут же появился слуга воеводы. Принес вино, закуску.

– Выпей немного, закуси, – предложил ему Довойна. – Ужин будет после нашего разговора, а потом и отдых.

Посланник московского князя выпил полчаши, закусил.

– Хорошее вино. Такого у нас на Москве не найдешь.

Все рассмеялись.

– Конечно, – высокомерно сказал Голубицкий. – Его из французских земель привозят. Говори, посланник.

Чиняев поудобнее устроился на лавке, вытянул ноги.

– Иван Васильевич с верными ему князьями да воеводами, бравшими Казань и Астрахань, готовит удар по Полоцку. Это объясняется не только тем, что Царь Иван, захватив ваш город, закрывающий прямую дорогу на Вильно, сможет потом продвигать свою рать далее на запад.

– Чем же еще? И этого вполне довольно, – подал голос Глебович.

Посланник скомкал шапку и объяснил:

– Князь Старонов говорил мне, что Иван Грозный считает

Полоцк древним владением рода Рюриковичей, к которому сам и принадлежит. В народе распространяется утверждение, что наступление на Полоцк – не захватническая война, а законное и справедливое возвращение Белой Руси, наших исконных земель. Народ верит в это и поддерживает Царя, которого не зря прозвал Грозным. После захвата города воеводы Царя намерены двигаться дальше, брать другие крепости, в том числе Ригу и Вильно. Однако вступать в войну с Польшей они не хотят.

– Но ведь это просто невозможно! – воскликнул Довойна. – Если русская рать подойдет к Вильно, то Сигизмунд обязан будет вывести все войска, какие только у него есть, на защиту литовской столицы.

Чиняев пожал плечами:

– Я всего лишь передаю вам слова князя, сам в военных делах не особо разбираюсь.

Голубицкий тяжело вздохнул и спросил:

– А московскому князю известно, почему Царь Иван решил брать Полоцк зимой? Раньше февраля ему никак не удастся подвести сюда рать, даже если она уже сейчас стоит у Можайска, а не в Москве и других городах.

Посланник покачал головой:

– Да, князь говорил об этом.

– Что именно?

– Великий посад города со стороны Двины защищен очень плохо, надежных укреплений нет. Значит, река замерзнет...

– Черт бы побрал этого Ивана! – в сердцах выругался Голубицкий. – А ведь он тысячу раз прав. Если русские воеводы по льду проведут в посад хотя бы один полк с полевыми пушками, то заставят гарнизон укрыться в Верхнем Замке. Потом они не спеша, совершенно спокойно подтащат к нему осадную артиллерию и примутся разрушать крепость. При этом москвиты еще и осадят замок, перекроют все пути доставки провизии. Так нам долго не продержаться, особенно если еще и чернь бросится из посадов под защиту стен.

Воевода поднял руку и заявил:

– Об этом поговорим позже. – Он посмотрел на посланника и спросил: – Что еще велел передать князь?

– Еще он приказал сказать, что вам не стоит рассчитывать на Девлет-Гирея. Он этой зимой не поведет свои орды на Русь.

– Что? Царь Иван и с Крымским ханом договорился?

– Не знаю, договорился или проведал о его намерениях. Но князь Старонов твердо сказал, что на крымцев вам рассчитывать не следует.

Воевода совсем пал духом, когда услышал это.

Голубицкий же продолжил допытываться:

– А скажи, сколько войска может привести русский Царь к Полоцку?

– Об этом князь знает только приблизительно. Он считает, что Царь может собрать от сорока до восьмидесяти тысяч человек. Это вместе с обозным людом.

– Сам-то князь Старонов пойдет с войском?

– Нет. Царь его на Москве оставляет. Вот когда Иван Васильевич уйдет с ратью, князь Андрей Андреевич и отправится с семейством да немалым скарбом в Литву другой, южной дорогой.

– Ясно, – буркнул ротмистр, встал, взглянул на посланника и осведомился: – Что еще ты должен сказать нам?

– Да вроде все. Коли вспомню чего, то утром скажу.

– В Вильно собираешься утром выехать?

– Ну не ночью же. Место-то отдохнуть у вас найдется, надеюсь?

Воевода взял колокольчик, позвонил.

В дверях мигом возник слуга Вестар.

– Да, пан!

– Отведи человека в баню. – Довойна кивнул на Чиняева. – Пусть помоеется, попарится, после того накормить и проводить в комнату первого этажа для отдыха. Когда утром разбудить, он сам скажет. Так, пан Чиняев?

Посланник смутился:

– Да какой я пан? Мы люди простые.

– Простых людей князья по серьезным делам не посылают, так что не прибедняйся.

– Это кто как.

– Ступай со слугой.

– Угу! – Чиняев встал, недолго подумал, на всякий случай поклонился и вышел из комнаты вслед за Юргисом.

Как только их шаги в коридоре затихли, воевода спросил:

– Ну так что вы думаете по поводу известий из Москвы, панове?

– Царь Иван умен, хитер! Победы на востоке и юге придали ему уверенности, – заявил Ян Глебович. – Но и мы не ремесленники. У нас есть время обратиться за помощью в Вильно и в Краков. Но главное вот что. Надо срочно и скрытно завезти на тайные склады провизию, которую во время осады можно будет доставлять в замок.

– Зачем нам тайники, если мы рассчитываем на помощь Польши и Литвы? Или ты, Ян, не веришь в то, что Король и Великий Князь Сигизмунд Второй Август поможет нам? – спросил Голубицкий.

– Верю. Однако нам с вами неизвестно, когда подойдет помощь. До подхода русских войск к Полоцку высылать ее бессмысленно. Это большие затраты по содержанию гусар, артиллерии, пехоты. А москвиты могут действовать стремительно и осадить замок, когда наши силы будут еще далеко отсюда. Обидно, ротмистр, будет погибнуть в замке, не дождавшись спасения. Провизия у меня есть, я как раз получил ее из своих владений и могу выдать для срочной доставки на склады. Купцы тоже не поскупятся, если, конечно, пообещать заплатить им. Но всему есть предел.

Воевода посмотрел на него и спросил:

– Что ты имеешь в виду, Ян?

– Лишь то, пан Довойна, что в замке не должно быть

лишних людей. Только те, которые проживают на его территории, и гарнизон. Весь город нам не прокормить, да и не укрыть. Хуже того, мы потерпим поражение, даже не начнем обороняться, если огромная толпа ринется в замок.

Голубицкий усмехнулся.

– Не рано ли паникуешь, кормилец?

– У нас совет. Каждый может высказать свои мысли.

– Вот именно, мысли, но по обороне, а не капитуляции.

Глебович встал и спросил:

– Ты, ротмистр, обвиняешь меня в трусости?

Голубицкий рассмеялся:

– Что, хочешь вызвать на поединок? Не советую.

– Прекратите! – повысил голос Довойна. – На сегодня все.

Устал я, и голова раскалывается. Соберемся завтра. Не получится, скажу когда. Идите, панове. Мне отдых требуется.

Ротмистр вышел, Глебович задержался, посмотрел в коридор, подошел к воеводе.

– Это хорошо, что ты напомнил о запасах, Ян, – сказал тот. – Собери надежных людей из купцов, поговори с ними насчет загрузки тайников продовольствием. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше.

– Используем старые подземные ходы и схроны?

– Ну не рыть же новые при всех. Так никакой секретности не добьешься. Да копать и не надо. Можно просто вывезти продовольствие из города и укрыть в лесах.

Глебович погладил подбородок и спросил:

– А русские точно не знают, где расположены подземные ходы и схроны?

– Они не могут знать. Их сооружали очень давно, шестьдесят лет назад, еще когда на Москве княжил Иван Третий, дед теперешнего тамошнего самодержца.

– Мне нужен чертеж ходов и схронов.

– Да, конечно. – Воевода встал, прошел до стены против оконцев.

Глебович смотрел на него с удивлением, которое тут же сменилось восхищением.

В стене оказался тайник, заметить который было нельзя, сколько ни вглядывайся.

Воевода достал из тайника свиток потемневшей плотной бумаги, перевязанный бечевой, передал его Глебовичу.

– Держи, Ян. Вполне возможно, что в твоих руках судьба всего города.

– Кто еще знает о ходах и схронах? – спросил тот.

– Я, ты, Голубицкий с помощниками-хорунжими, может, и кто-то из черни, но со слов стариков, которых уже нет в живых. Город осаждали не единожды, враги были вокруг. Слухи о тайниках наверняка до них доходили. Они шастали по лесам, искали их, но не находили. Это говорит о том, что людей, знающих о схронах и ходах, что ведут из Верхнего Замка, мало, ну а уж проводников и вовсе нет. Требуется сохранить тайну и сейчас. Посему, как я уже говорил, привлекай к работе как можно меньше людей и только надежных. Купцам

вели подвозить провизию в одно место, пусть слух об обозе, уходящем в Вильно, далее, как нужда появится, передавай припасы человеку Голубицкого.

Глебович посмотрел на воеводу и заявил:

– Я готов выполнить эту работу, пан Станислав.

– Не сомневаюсь, иначе не доверил бы ее тебе. Но будь очень осторожен.

– Я всегда осторожен.

– Посему и стал в молодые годы одним из самых богатых людей не только города, но и всего княжества.

Лесть была приятна Глебовичу.

– Благодарю за добрые слова, пан воевода. Пойду.

– Ступай, Ян. Береги чертеж.

Снегопад все еще продолжался, хотя заметно стих.

Молодой человек вышел из дворца воеводы, набросил на себя накидку и двинулся к воротам, за которыми располагался Великий Посад, большое поселение, имевшее собственную систему фортификационных сооружений. Крепостных стен здесь не было только со стороны Западной Двины, потому как сама река считалась непреодолимым препятствием.

Надо сказать, что и весь Полоцк был укреплен очень даже неплохо. Например, Верхний Замок, где жили знать, воевода, стояло подворье епископа Арсения, окружала стена с девятью башнями и более чем двумя сотнями бревенчатых срубов, часто примыкавших друг к другу и имевших бойни-

цы. Перед ней со стороны Великого Посада тянулся ров.

Глебович прошел узкими улицами до небольшой площади, где строился храм, свернул в проулок, ведущий к реке. Вскоре он остановился, осмотрелся, постучал в калитку.

Со двора донесся недовольный мужской голос:

– Кто-то там? Время-то уже позднее!

– Ян Глебович. Отпирай, мужик!

– О, Дева Мария, извини, пан, отпираю.

Калитка тут же скрипнула и распахнулась. За ней стоял мужик в накидке.

– Хозяин дома? – спросил Глебович.

– А где ж ему быть-то?

– Один?

– С дочерью.

– Ты так и будешь держать меня под снегом?

– Извиняй, проходи, пан. Я сообщу хозяину о твоём приходе.

Глебович зашел в сени. Он хорошо знал этот дом, посему не смотрел по сторонам, снял накидку, встряхнул ее, повесил на крюк слева от двери.

К нему тут же вышел мужчина лет сорока.

– Пан Глебович, приветствую. Не ожидал, честно говоря.

Отчего так поздно?

– Разговор к тебе серьезный имеется, купец. Твоя дочь нам не помешает?

– Она уже спит.

– Добро. Веди в свои хоромы.

Купец усмехнулся и заявил:

– Это у тебя, Ян, хоромы, а у меня обычный дом.

Они прошли в большую комнату.

– Вина отведаешь? – осведомился хозяин.

– Нет, пил уже.

– Ну тогда садись, где удобно. Я слушаю тебя, пан Глебович.

Дружина числом в семнадцать ратников шла по лесу, который тянулся вдоль реки Дрыса, истекающей из озера того же названия и впадающей в Западную Двину. Солнце клонилось к закату. Всадники прошли сегодня чуть более сорока верст. Для лесной, сильно заболоченной местности это ой как не мало. Да еще в снегопад, сменяющийся холодным дождем.

В головном дозоре шли служилые татары Баймак и Агиш. Воевода, князь Дмитрий Савельев, заметил, что они как раз выезжали на поляну, вполне пригодную для ночлега, хотел уже дать им команду остановиться. Но тут татары вдруг сами слетели с коней и отвели их в кусты. Перед этим Баймак поднял руку. Мол, всем стоять, укрыться!

Дружина рассыпалась, сошла с тропы. Ратники соскочили с коней, закрыли им морды мешками, достали сабли. Они смотрели во все стороны, благо листва с деревьев и кустов давно опала и видно было далеко.

Князь Савельев не видел ничего опасного. Он передал князя Власу, сыну своего помощника Гордея Бессонова, и лесом прошел до места, где спрятались дозорные. Они хоронились в кустах.

Воевода присел рядом с Баймаком и спросил:

– Что тут, Анвар?

– Впереди обоз. Как раз на елани, которая подошла бы нам. Пять телег, при них десять человек, среди которых четверо баб.

Савельев посмотрел вперед, увидел телеги, нагруженные каким-то барахлом. Лошади распряжены, собраны на опушке, стреножены. Они явно волновались, чувствовали коней дружины, но тревожного ржания покуда не поднимали.

– Да, некстати эти люди тут оказались. Елань-то нам действительно подошла бы. И обойти ее прямо тут вряд ли можно будет, болота вокруг.

– Да, здесь не получится. Наверное, придется нам поискать другую тропу. Болота тут не сплошные.

– А поодаль, если прямо, озеро Черное. Из-за торфяного дна, наверное, так называется. И чего этот обоз не пошел туда?

– Так к озеру, как и к реке, не подойти. Вот там-то как раз болота сплошные, до двухсот сажений по всей пойме.

– И что же нам теперь делать?

– Помнишь, князь, проходили мы через небольшую поляну верстах в трех отсюда? Только там заночевать можем.

– Плохая примета возвращаться.

– Ну, князь, плохая или хорошая, а иного пути у нас нет.

Если, конечно, мы не найдем другую дорогу или не сгоним с поляны этих людей. С этим никаких трудностей не будет. Стоит нам появиться, они быстро лошадей запрягут, и только мы их и видели.

– Это так, но нам неизвестно, куда они идут. Это ведь может быть и Полоцк. Там узнают, что недалеко дружина какая-то объявилась. Этого допустить никак нельзя.

– Тогда только в обрат.

– Ладно. Смотрите за обозом, я разверну ратников, пойдём к малой поляне.

И не успел он отойти, как над еланью пронесся зловещий свист.

Савельев обернулся.

На заснеженную поляну от реки и из леса выскочили шестеро всадников. Одежда мужицкая, в руках сабли, у одного топор.

– Лихие люди, князь! – воскликнул Баймак.

– Да, вижу. Но их столько же, сколько и мужиков в обозе. Дубинами да колами отбиться могут.

– Могли бы. Да вот четверо мужиков с бабами для чего-то к реке подались. Осталось трое. Против шестерых это не сила. Разбойники мигом перебьют их, а потом встретят и других. Помочь бы надо, князь.

– Да, надо, но мы не можем обнаруживать себя.

– Что, дадим лиходеям перерезать мирных людей?

Князь быстро принял решение и приказал:

– Анвар, Ильдус, доспехи долой, на лица платки под шапки. По коням! – Он повернулся, подал знак Власу Бессонову.

Ратник отпустил коня воеводы, и тот сам поспешил к нему.

Все трое вскочили в седла, когда лиходеи были уже у обоза. Мужики завидели их и достали с телег рогатины. Неплохое оружие против конных.

Разбойники налетели на них всем скопом. В первой сшибке мужики показали себя молодцами, рогатинами сбили с коней двух лиходеев, а сами остались целыми. Четверо конников отскочили назад. Они никак не ожидали такого отпора, но тут же вновь пошли на обоз, уже обходя его с двух сторон.

Это сильно осложнило положение мужиков. Они наверняка полегли бы, коли в это время не подошли бы Савельев с татарами. Они ударили в тыл лиходеям и мигом порубили их. Мужики и опомниться не успели, как эти спасители, неизвестные им, ушли обратно в лес. Тут на поляну подошли и остальные обозники.

Савельев остановил коня в десяти саженьях за кромкой леса, завел в ельник. Так же поступили и татары. Потом все они кинулись к кустам и увидели, как мужики добились раненых разбойников, оттащили тела к болоту, утопили там, поймали их коней и спешно стали запрягать своих. Охота оставаться

здесь у них пропала. Скоро они ушли в глубину леса, казавшегося бесконечным.

Савельев приказал двум другим своим людям, касимовским татарам Икраму Гардаю и Рустаму Турану, осмотреть ближний лес, потом расположиться там, где стоял обоз, и глядеть за подходами с запада.

Дружине же он повелел разбивать лагерь.

Агиш вывел на поляну и свой обоз, состоявший аж из одной телеги. Припасы дружины пополнялись на постоянных дворах, куда засылалась пара-тройка ратников под видом мирных проезжих. Воины развели костры, принялись готовить еду. После ужина помощник Савельева Гордей Бессонов выставил у поляны двух дозорных, назначил порядок и очередность смен.

«Мы уже почти дошли до нужного места – и на тебе, всё же влезли в схватку, – подумал князь Дмитрий. – Но особой беды в этом нет. Кого видели мужики из обоза, которые приняли бой с лиходеями? Трех всадников без доспехов, с саблями. Их лица были закрыты платками, свисающими из-под шапок. Они расскажут об этом своим людям, вернувшимся от реки.

Те, скорее всего, примут появление неожиданных спасителей за провидение Божие. Люди охотно верят в чудеса. Ведь волею Господа нашего много чего необъяснимого и непонятного происходит. Вот небо, на нем звезды. Кто повесил их там? Вестимо, Господь. Одна падает, другая. Куда, почему?

Совершенно непонятно».

Несмотря на усталость, сон не шел. Дмитрий невольно предался воспоминаниям.

Это было в конце ноября месяца, еще до того, как Царь вывел рать из Москвы. Савельев с супругой Ульяной и младенцем-сыном, нареченным Владимиром в честь деда, отца Дмитрия, собрались ехать в свою вотчину, как у их подворья объявился гонец.

Ключник Семен Габра доложил об этом князю.

Дмитрий вышел к гонцу.

– Приветствую тебя, воин, и слушаю!

– И тебе долгих лет. Меня прислал сюда князь Юрий Петрович Крылов. Он сказал, что ты должен срочно прибыть к нему на подворье, мне же приказал сопровождать тебя.

Подошла Ульяна с сыном на руках, поприветствовала воина и спросила мужа:

– Что случилось, Дмитрий?

– Ничего особенного, – ответил Савельев. – Князь Крылов прямо сейчас вызывает меня к себе.

– Боже мой! Ведь это значит!..

Савельев прервал жену:

– Это еще ничего не значит. Мне, скорее всего, предстоит встреча с Государем. А вот что скажет он, неведомо. Я поехал.

Дмитрий поцеловал жену и сына, велел службе Прохору

подать коня, вскочил в седло и выехал с подворья. Вскоре он был уже в доме князя Крылова, приближенного к Царю.

– Приветствую тебя, Юрий Петрович.

– И я тебя тоже. Присаживайся. – Крылов указал Дмитрию на кресло, сам сел в такое же, стоявшее напротив, и поинтересовался: – Как сын, растет?

– Да не заметно еще, мал шибко, но мамкину сиську сосет жадно.

– Да, это хорошо, в материнском молоке сила будущего воина и князя.

– Согласен. Дай-то Бог ему здоровья. Ведь прежде у нас с детьми никак не получалось. Первого ребенка Ульяна не доносила, выкидыш у нее был, второго родила мертвым. Мы очень надеемся, что теперь все будет хорошо, молим Господа об этом. А ты чего меня позвал-то, Юрий Петрович? К Государю надо идти?

– Немного позже, ближе к обеду.

– Зачем вызывает?

– Это точно известно только самому Ивану Васильевичу. Но нетрудно догадаться, что этот вызов связан с предстоящим походом на Полоцк.

– Вот как? – не без удивления воскликнул Савельев. – У Государя большая рать, полки, наряд с пушками. Моя-то дружина для чего нужна Ивану Васильевичу? Может, придется нам по тылам противника ходить да обозы уничтожать?

– Не знаю, Дмитрий Владимирович. Но думаю, что у Государя есть кому по вражьи тылам ходить да обозы громить. Мне кажется, что Государь желает поручить тебе какое-то другое дело, куда более важное.

Савельев вздохнул и проговорил:

– Что ж, особая дружина ко всему готова, ратники все здоровы, на местах. Вот только интересно, что за дело намерен поручить нам Иван Васильевич.

– Давай не будем гадать. Мы с тобой не раз убеждались в том, что в этом нет никакого толку. Скажу одно. Позавчера из Полоцка вернулся человек, который был заслан туда под видом торговца. Государь долго говорил с ним. Возможно, после этой встречи Иван Васильевич и вспомнил о тебе.

– Да, такое не исключено.

Они подождали еще немного, поговорили о походе, о значении для Руси взятия крепости Полоцк, чего не удавалось сделать предшественникам нынешнего Царя. Когда кончился снег, солнце проглянуло из-за тяжелых облаков и стало подниматься в зенит, поехали в Кремль.

У Великокняжеского двора их ждали, проводили в гостевую залу Царя.

Иван Васильевич встретил верных князей приветливо, радушно. Он предложил им пройти в потайную комнату, что они и сделали. Там расселись на лавках. Царь же опустился в кресло.

– Тебе, князь Дмитрий, ведь известно, что я собираюсь

братъ Полоцк? – обратился он к Савельеву.

– Известно, Государь, – ответил Дмитрий.

– Сейчас готовится поход, собирается рать, уже расписанная по полкам. Используется опыт взятия Казани. Жаль, что возле Полоцка у нас нет крепости, подобной Свяжску, но и этот город вовсе не так силен, как Казань. Однако об этом позже. Теперь же я хочу обсудить вот что. Ни для кого не тайна, что перед такими походами противники засылают друг к другу своих людей. Посылал и я. Человек, который ходил в Полоцк, вернулся. Я говорил с ним, услышал много интересного о том, что касается обороны крепости. Воинов в Полоцке не так уж и много, но опыта им не занимать. Это наемники и городская стража. К тому же воевода полоцкий Станислав Довойна очень рассчитывает на всемерную поддержку войск Короля Польского и Великого Князя Литовского Сигизмунда Второго Августа. Он наверняка получит ее. Вопрос лишь в том, когда именно и каким количеством ратников. Но это не твоя, князь, забота. Человек, который прибыл из Полоцка, говорил о том, что город очень даже неплохо укреплен. Особенно замок, который стоит на краю Самородной горы. Он окружен прочными деревянными стенами с башнями и срубами, в которых проделаны бойницы. С этим мы разберемся на месте. Более всего интересно вот что. Человек мой прознал о том, что Полоцк может долго держать осаду из-за того, что вне города, в ближайших лесах еще при деде моем Иване Третьем были прорыты ходы и устроены схроны, в

которых можно хранить провизию. Воды же в городе хватает из колодцев, рек Двины и Полоты. Так вот Полоцк может держаться долго именно из-за этих схронов. В них сейчас конечно же тайно закладывается не только провизия, но и порох, ядра для пушек. Узнал мой человек об этих подземных ходах и схронах в корчме на посаде от местного жителя. Тот был внуком холопа, который когда-то рыл эти ходы.

Савельев смял в руках шапку.

Царь заметил это и спросил:

– Чего встревожился, князь? Или что-то узнать желаешь?

Так ты говори, отвечу, если смогу.

– Да, Государь, желаю спросить.

– Давай.

– Подземные ходы и схроны роются обычно тайно, под присмотром воеводы или его ближайшего помощника. Для этого они собирают из деревень и сел прежде всего таких людей, у которых за душой нет ровным счетом ничего, ни земли, ни дома, ни семьи. Потому как после работ всех их очень часто убивают, дабы сохранить в тайне схроны и ходы к ним. Тут же получается странность. Твой человек прибывает в Полоцк, делает то, что было ему поручено, потом идет в корчму и встречается там с мужиком, уж не знаю, с кем именно, работником у хозяина, ремесленником, ратником, вольным жителем. Он случайно, – на этом слове Савельев сделал ударение, – прознает о тайных ходах и схронах, которые будут иметь особое, чрезвычайно важное значение при

обороне города. Мужик ему говорит, что слышал об этом от отца или деда, который был копателем. Но откуда у того взялись дети, если на работы отбирали одиноких людей? Ладно, пусть проглядели одного такого, у которого была баба с детьми. Или же жил он с ней тайно. Это еще допустить можно. Но вот как он уцелел, а потом сына или внука вырастил и рассказал ему о том, что делал в давние времена? Вот чего я не могу понять. Извиняй, Государь, а человек твой, который был в Полоцке, надежен?

Царь посмотрел на Савельева и спросил:

– Думаешь, через него мне были переданы врагом неверные данные?

– Но как иначе можно объяснить то, что было ему сказано?

Иван Четвертый резко поднялся, прошелся по палате, встал посредине, обернулся к Дмитрию, неожиданно улыбнулся и проговорил:

– А ты молодец, князь, сразу заподозрил неладное! В рассуждениях своих ты прав. Когда я выслушал доклад десятника дворцовой стражи Игната Череды, которого и послал в Полоцк, то задал ему этот самый вопрос. Десятник побожился, мол, именно так все и было. Корчма, подпитый местный мужик по имени Петр. Рассказ о ходах и схронах. Черета малый не глупый. Он хотел было узнать у мужика, как его предок сумел уцелеть и рассказать о тайной работе, но тот ничего больше не сказал, потому как к этому времени уже

был мертвецки пьян.

– Почему десятник не расспросил его потом, утром?

Иван Васильевич бросил взгляд на Савельева, сверкнул глазами и спросил:

– Ты, князь, считаешь, что можешь допрашивать Царя?

– Нет, Государь, извини великодушно. Невольно вырвалось.

– Не за что извинения просить. Да, допрашивать Государя не может никто, но мы и не на следствии. Отвечу. Хотел Череда закончить дело и поговорить с мужиком утром, как тот протрезвеет, но его уволокли из корчмы товарищи. Проведать же, где живет болтун, десятник не смог. Слишком уж осерчали на него приятели этого Петра за то, что он спойл его.

– Странно все это.

– Да. А посему пришлось устраивать допрос Череду в пыточной избе. Но он и там подтвердил сказанное. Сейчас отлеживается дома, в себя приходит. На всякий случай за ним и семьей смотрят. Но я должен сказать тебе, что и отец мой, Великий Князь Василий Иванович, получал сообщения о тайных ходах и схронах, когда ходил на Полоцк. Погодите-ка. – Государь вышел из тайной комнаты.

Крылов взглянул на Савельева и заявил:

– Ты бы не горячился так, Дмитрий Владимирович. Царь наш, конечно, милостив, но не дай тебе Господь попасть в опалу за дерзкие речи. Характер его тебе известен.

– Да я и так вроде...

– Вот именно что вроде. Но все, молчи.

Иван Грозный вернулся со свитком, развернул его и начал читать:

– «Был на третий день перебежчик из Полоцка, и учинили мы ему допрос. Говорил он много, да все про то, что нам и так было известно. Заслуживало внимания лишь его упоминание о каких-то подземных ходах, складах с провизией, порохом и оружием, в которые можно попасть из Верхнего Замка. Проверить правдивость слов перебежчика не удалось, нам пришлось отойти от крепости». – Иван Васильевич прекратил чтение и пояснил: – Эти записи вел князь Василий Васильевич Немой-Шуйский в походе на Полоцк сорок четыре года назад. По возвращении на Москву он передал их отцу моему Василию Третьему. Значит, и тогда кто-то из вельмож и военных начальников Полоцка знал об этих ходах и схронах. В этих записях нет упоминания о том, кем был перебежчик, сказано лишь, что он переплыл Двину там, где посад не имеет крепостной стены. – Царь взглянул на Савельева и осведомился: – Что скажешь на это, Дмитрий Владимирович?

– Получается, что не врал твой десятник, Государь. Надеюсь, не сильно его изувечили пыточных дел мастера?

Иван Васильевич кивнул на Крылова:

– У Юрия Петровича спроси.

– Был я у него вчера вечером, – сказал тот. – Постра-

дал, конечно, но что поделать? Надо было проверить. Ничего, оклемается. Ему привели иноземного лекаря. Тот быстро подымет десятника на ноги. Да и не в обиде он. Разумеет, что к чему. А когда я передал ему слова извинения Государя да десять рублей серебром, так вообще повеселел. С ним порядок, Дмитрий.

– С ним-то да, порядок, а вот с этими потайными подземными ходами и схронами ничего не ясно. Если бы князь Шуйский в свое время взял бы Полоцк, то и дум о том не было бы, – проговорил Иван Васильевич.

– А так ли важны эти схроны, если сейчас у тебя, Государь, самый мощный пушечный наряд? Он разобьет любые стены какой угодно крепости, а полки потом возьмут ее. Так надо ли думать об этих складах? Есть они, ну и пусть, нет их – еще лучше.

– Время, князь, – проговорил Иван Грозный. – Оно в первую голову важно. Я не знаю, сколько его уйдет на то, чтобы разрушить стены Полоцка. До того как войска осадят Замок, им придется пройти посады поменьше, где будут мирные жители. Это бабы, детишки, старики. Гробить их без разбору? Тогда победа наша и копейки стоить не будет. Надо вести дело так, чтобы вынудить полоцкого воеводу запросить пощады. А он это сделает только тогда, когда утратит все возможности вести оборону. Я не намерен изматывать полочан длительной осадой, дожидаться, пока Сигизмунд бросит им на помощь свою рать. Рушить стены, штур-

мовать крепость надо так, как это происходило в Казани. Нельзя допустить подхода к Полоцку крупных сил поляков да литовцев, одновременно вести штурм города и сражение возле него. Если эти вот тайники с запасами действительно есть, то воевода Довойна очень даже рассчитывает на них. Захватив их или уничтожив, мы заставим его поднять руки. При обороне запасы продовольствия и пороха тают в считанные дни, а помощи-то еще нет. Вот и придет к Довойне мысль сдать замок. Я на это рассчитываю. Но чтобы сделать так, как задумано, надо отыскать эти схроны и ходы, ведущие к ним. Для того, князь Дмитрий, я повелеваю твоей дружине идти к Полоцку как можно быстрее. Всем, что связано с подготовкой к походу, уже занимается князь Крылов. С ним все обговорите. Потом выводите, князь Дмитрий, особую дружину из Москвы. Вижу, вопросов у тебя много. Задашь их Юрию Петровичу. Я, как и всегда, надеюсь на тебя и на твоих славных ратников. Помни, Дмитрий, на святое дело идем. Будем освобождать исконно русские земли, а не захватывать чужие. А теперь ступайте.

Вельможи поклонились и покинули великокняжеский дворец.

Во дворе, где кроме стражи никого не было, Крылов взглянул на воеводу особой дружины и спросил:

– Как тебе задание, Дмитрий Владимирович?

– Что ж ты, Юрий Петрович, говорил мне, будто не знаешь, зачем Государь меня вызывает? Сам уже готовишь по-

ход дружины, и не сказал мне ничего.

– Извини, Дмитрий, таков был наказ Царя. Разве я мог нарушить его?

– Да, не мог. Едем на твое подворье. Там ты ответишь на мои вопросы, как и повелел Государь.

Крылов усмехнулся:

– Едем, отвечу. Ты ведь обиды-то на меня не держишь, сам поступил бы точно так же.

– Ну да. Никаких обид, князь. Работать надо!

Всадники выехали из Кремля и направились к подворью князя Крылова.

Глава 2

На елани горели костры. Ратники наломали сосновых лап, улеглись на них. Так же поступил и князь Савельев. Он видел, как на посты охранения вышли первые воины. Агиш сторожил табун на краю елани.

Дмитрий накрылся накидкой и тулупом. Не сказать, что тепло, но вполне терпимо.

Князь пытался уснуть, но его мысли опять возвращались в недавнее прошлое.

Савельев и Крылов устроились в уютной горнице. Служка принес им легкой медовухи. Князья выпили понемногу для расслабления, сохраняющего ясность мысли.

Юрий Петрович передал Дмитрию свиток и пояснил:

– Это царская охранная грамота. Тебе не впервой пользоваться такой. В ней то же самое, что было и в прошлых. Наказ Государя всем должностным лицам оказывать тебе всяческую помощь, ну и так далее. – Он встал из-за стола, шагнул к конторке для письма, выдвинул ящичек, достал из него второй свиток, вернулся на место. – Это чертеж того пути, который придется пройти твоей дружине.

Савельев развернул бумагу, посмотрел. Путь его отряда лежал через Можайск и Великие Луки.

– Почему выбрана эта дорога? – спросил он. – Ведь есть

и другая, через Смоленск. Она и короче, и проще. Ведь тут, севернее, слишком много леса и болот.

– Так решил Государь.

– Понятно, вопросов нет, коли Государь. А что это за местечко Бельдево, недалеко от озера Воловье, у самого Полоцка?

– Это и есть то самое село, куда ты должен тайно пойти. Там найдешь подворье купца Николая Ковалю. Оно обозначено на чертеже местечка. Там же отмечен и его хутор, починок под названием Веселый.

– А почему, Юрий Петрович, он так называется?

– Понятия не имею. Не до пустяков мне. У купца спросишь, если не лень будет. Этот самый Коваль сведет тебя со своим товарищем, таким же купцом, проживающим в самом Полоцке. Тот человек весьма осведомленный и богатый, дружен с воеводой, местной знатью. Уж коли и будут в Полоцке забивать схроны запасами, то уж никак не без участия этого купца. Зовут его Стефан Дравес. Он вдовец, воспитывает дочь, которой уже семнадцать годков.

Савельев устроился поудобнее, сделал глоток медовухи и проговорил:

– А почему вдруг этот Дравес станет помогать нам? В Литве он имеет высокое положение, а главное – весьма немалое состояние. Что ему мешает заблаговременно уехать из Полоцка, которому грозит осада, и осесть вместе со своим добром в Вильно или даже в Кракове?

– Насколько мне известно, Государь через своего человека, проживающего в Пскове, предложил Дравесу такие выгоды в торговле с Русью, от которых ни один купец не откажется. Но это известно мне от третьих лиц. Прямо с Государем на этот счет я не говорил. Да он и не стал бы открываться передо мной. Ясно одно, Дмитрий. Государь наш Иван Васильевич шибко надеется на этого Дравеса. Вот ты и узнаешь, оправдаются ли его надежды или нет.

Савельев отпил глоток медовухи и спросил:

– Ну а Коваль как стал известен на Москве?

– Здесь у него торговые лавки. Ими его человек тут ведает. Дело вроде бы идет неплохо. К тому же Коваль чувствует себя чужим в Полоцких землях, желает перебраться на Москву. Через помянутого человека мы на него и вышли.

– Значит, ему есть что терять на Москве, да?

– И не только тут.

– В отличие от купца Дравеса, так?

Крылов налил себе медовухи, опустошил кубок и заявил:

– Каждому человеку есть что терять, Дмитрий. Ты об этом не хуже меня знаешь. Как и о том, что предатели да изменники долго не живут. Ты еще не забыл свою охоту за негодяем, учинившим убийство Дмитрия, сына Ивана Васильевича?

– Не забыл, конечно. Ты прав. Изменниками пользуются, привечают их, пока они нужны, а когда надобность в них отпадает, убирают прочь, потому как такие людишки, не имеющие ни совести, ни чести, ни у кого не в почете.

– Воистину так. Что еще желаешь узнать?

– Обоз мне собирать или же этим, как обычно бывало, займешься ты?

– Я займусь. Ты лишь скажи мне, что и в каком количестве намерен взять с собой.

– Много брать несподручно. Две телеги уже будут сильно тормозить переход. Одной нам вполне хватит. В случае чего можно будет и раненых в нее положить. Сколько денег велел Государь дать дружине?

– Пятьдесят рублей.

– А сколько постоялых дворов на дороге, по которой нам предстоит идти?

– Точно не скажу. Но я посылал гонцов посмотреть тот путь. Они не жаловались, отдыхали и на дворах, и в деревнях, иной раз и в лесу. Они прошли туда и обратно, значит, и дружина твоя пройдет. А почему ты спросил о постоялых дворах?

– Запас в телеге нужен будет на крайний случай, при стоянке вдали от селений. Продукты в пути удобнее будет закупать на постоялых дворах, а еще выгоднее – напрямую у крестьян.

Крылов кивнул и сказал:

– Я понял тебя. Теперь у меня вот какой вопрос. Оружие и доспехи кроме того, что уже имеют твои ратники, брать будешь?

– А нужно? Нам же не придется штурмовать город. Ка-

кую-то мелкую деревушку моя дружина, если понадобится, возьмет и тем оружием, которое у нас есть. Нет, ничего лишнего брать не буду. Только если колчаны со стрелами да луки. Четырех штук хватит. Больше ничего, только провизию да бочонок для воды. А то встанем среди болот, где ни родника, ни речушки. Гнилой жижей жажду не утолишь.

– Зима на дворе, князь.

– Одежду теплую каждый возьмет сам.

– Добро, Дмитрий, я все понял. Будет тебе обоз в одну телегу. Если снег ляжет, сам поменяешь ее на сани. А вот деньги. Тут и наши копейки, и литовские гроши. Когда сможешь выйти? Царь велел отправляться как можно быстрее.

– У меня хорошая память, я не забыл его слова. Послезавтра с утра и тронемся. Это годится?

– Да, именно на этот день я и рассчитывал.

– Ну что ж, тогда я поеду к своим ратникам, сообщу им об очередном задании. Целого дня на сборы им вполне хватит. Выходить будем по отдельности. Место сбора я определю. Или ты его назначишь, Юрий Петрович?

Князь Крылов махнул рукой и заявил:

– Нет уж, давай сам. Ты воевода, тебе и решать. Телега подойдет, куда скажешь.

– Благодарствую за угощение. Медовуха у тебя знатная, легкая, сладкая, голову почти не кружит. Мысли остаются светлыми, ясными.

– Вернешься, я тебе бочонок подарю. У меня в винном

погребу этого добра предостаточно.

– Я очень постараюсь вернуться, князь. Меня тут жена и сын ждать будут. А теперь ладно, бывай. Если потребуется, я знаю, где тебя найти.

– Буду тут, на подворье. Коли отъеду куда по срочной какой нужде, то новый ключник мой Алексей Горюнов, видный такой мужик, из бывших пушкарей, подскажет, где искать, сам служку пошлет, чтобы тот позвал меня.

– А чего ты почти половину холопов своих поменял?

– Дал людям вольную. Послужили мне по совести, пусть теперь на себя поработают.

– Так мало кто делает.

– А напрасно. Но сейчас не до таких разговоров. Дело надо делать. Мне обозом придется заниматься, да еще и гонцов подобрать для связи с тобой в пути и Полоцке. Одного человека на такое дело, по-моему, не хватит, – сказал Крылов и проводил Савельева со двора.

Ратники встретили своего воеводу радушно, сообщение о новом задании восприняли спокойно, как должное.

Следующим утром все они собрались на подворье Савельева. Слуга Крылова подогнал туда телегу с припасами, подъехал и сам князь, ближний к Царю.

Ратники по одному начали разезжаться со двора, чтобы встретиться в месте, установленном воеводой. Каждый имел при себе оружие, доспехи, выучные мешки со сменной одеждой.

дой и провизией на первое время.

Князь Савельев попрощался с Ульяной и выехал из Москвы последним. Юрий Петрович Крылов проводил его до окраины города.

У деревни Кузня дружина собралась и пошла в леса, на северо-запад. Через месяц она оказалась на этой поляне.

На рассвете всех поднял Гордей Бессонов. Он доложил князю, что ночь прошла спокойно, никаких сторонних людей на елани и рядом с ней замечено не было.

Дмитрий наказал дружинникам готовить завтрак.

После того как ратники привели себя в порядок и перекусили, они отвезли горячей каши и касимовским татарам, несшим дозорную службу. Те сообщили, что тоже ничего подозрительного за ночь не заметили.

Савельев выставил Икрама Гардая и Рустама Турана в головной дозор, оставил Баймака и Агиша в тыловом охранении и приказал продолжать движение по пути, проложенному еще на Москве.

Идти оставалось уже немного, менее пятидесяти верст. Болота далее, после поворота на юг, отступали в стороны. Особой дружине следовало пройти мимо озер Черное и Перское до деревни Черемки. От нее до местечка под названием Бельдево было семнадцать с небольшим верст.

Савельев намеревался достигнуть конечного пункта пути на закате. Он справедливо считал именно это время самым

подходящим для захода в местечко. Народ как раз расходится по хатам, а сторожевые псы еще сидят на цепях.

Расчет воеводы особой дружины оправдался. Отряд зашел в балку у местечка Бельдево, когда начало темнеть. Ратники соскочили с коней, устроились на отдых.

Савельев подозвал к себе Бессонова-старшего и сказал:

– Гордей, я с Осипом Горбуном поеду в село. Ты начальствуй тут. Коней держать оседланными, ратникам отдыхать, но при оружии, в готовности уйти отсюда. Нам покуда не до большого привала.

– А не опасно ли вам вдвоем будет заходить в чужое село? – спросил Бессонов.

– Подворье нужного нам человека, судя по чертежу, находится на самой околице, прямо против балки. Зайти, конечно, нам придется с улицы, но как-нибудь проберемся. Сторожевых псов селяне выпустят позже. Так что надо поспешать.

– Я все понял. Выставлю Власа на вершине склона балки, чтобы смотрел за селом. Коли что случится, подскочим мигом.

– Но только по моему знаку.

– Какому именно?

– Ты и сам все увидишь и услышишь. Ведь если нас с Осипом зажмут на селе, то шум поднимется сильный.

– Ну да, Осип своим шестопером наделает таких делов, что и знаков никаких не надо будет подавать.

– Верно. Осип! – окликнул Савельев Горбуна.

Богатырь подошел к нему:

– Слушаю, воевода. Ты, наверное, опять в дозор решил меня отправить?

– Нет, Осип. Пойдешь со мной на село, которое против балки.

Горбун оживился:

– На село, говоришь? Это совсем другое дело, я всегда готов. Вот только шестопер свой сниму с коня. Или верхами пойдем?

– Нет, пешком.

– Тогда погоди, князь.

Горбун сбегал за своим оружием, и они с воеводой двинулись к селу. Поле прошли спокойно, никого нигде не видели. Улица тоже была пуста. Ниже во дворах наблюдалось движение. Там мычали коровы, блеяли овцы и козы, гоготали гуси, крикали утки. Люди загоняли всю эту живность в хлева. Хозяевам не было никакого дела до того, что происходило где-то за их городьбой.

Посему князь и Горбун скрытно подошли к подворью, отмеченному на чертеже. Калитка оказалась открытой. Они прошли внутрь. Дорогу им перегородил мужик с топором.

Горбун вышел вперед и заявил:

– Эй, не балуй, а то так врежу, что и топор свой проглотить!

Савельев отстранил Осипа и спросил:

– Купец Коваль тут проживает?

– А ты кто будешь?

– Я тот самый человек, которого он должен ждать.

– Гость из Москвы, что ли?

– Да, он самый и есть.

Из дома вышел мужик постарше и осведомился:

– Что тут, Эдгар?

– Да вот гости к тебе пришли, только ведут они себя как хозяева.

Купец резко взглянул на него и распорядился:

– Закрой калитку и ступай к себе!

– Слушаюсь!

Мужик закрыл калитку, ушел за угол довольно большого дома.

– Ну, здравствуй, Николай Григорьев сын.

– Здоров будь и ты. На грамоту царскую взглянуть позволишь?

– Само собой, только здесь темно, ты ничего не увидишь.

– Пошли!

Они поднялись по лестнице в верхние сени, из них прошли в горницу, где горели свечи. Лампады освещали лики святых на образах, выставленных в красному углу. Тут же стол, лавки вдоль стен, половики на полу, в углах шкафы, сундуки.

Все перекрестились на образа.

Хозяин указал на лавки у стола и предложил гостям при-

сесть. Дмитрий и Горбун сели, Коваль устроился напротив них. Дмитрий передал ему свиток. Купец читал его долго, шевеля губами. Видно было, что грамоту он знал не шибко.

Ознакомившись с бумагой, он вернул ее Савельеву, поднялся, поклонился и проговорил:

– Извиняй, князь, за то, что принял тебя не по чести. Приветствую тебя и твоего воина.

– Не за что тебе виниться, купец. Если каждого без разбору встречать с радостью, то так и ворога приютишь, который после тебе же нож в спину и воткнет.

– Эх!.. – Купец тяжело вздохнул. – Твоя правда, князь. Но вы, наверное, голодны с дороги? И могу ли я знать, где дружина? Нет, не подумайте чего худого, просто я приготовил место для ратников, где они помоются, поужинают, а потом и отдохнут в полной безопасности.

– Починок Веселый? – с улыбкой спросил Дмитрий.

– Он самый.

– А почему все-таки Веселый? Я на Москве спрашивал, князь Крылов сказал, что не знает и знать не хочет, советовал у тебя осведомиться.

– Да история тут совсем простая, князь. Починок этот строил пан полоцкий, Юрий Адамович, молодой да гулящий, чтобы шабаши там устраивать с непотребными девками. А потом утоп в Двине по весне. Женат он был. Вдова его продала починок мне, а сама уехала в Вильно. Я там порядок навел. Теперь на починке хорошо и безопасно.

– Ясно. Дружина недалеко. Она пойдет на починок после нашего с тобой разговора. А поужинать сейчас очень даже можно. Ведь так, Осип? – Князь взглянул на Горбуна.

– Конечно, Дмитрий Владимирович, я завсегда за это.

– Знаю. Что ж, угощай гостей, Николай Григорьев сын.

Купец кивнул и позвал:

– Рада!

В комнату вошла полная баба лет тридцати.

– Да, хозяин?

– Принеси хлебного вина и закуски, которую приготовила для гостей. Сейчас на двоих, остальное уложи в сумы.

– Слушаюсь. – Служанка быстро накрыла стол.

От вина Дмитрий отказался, купец и Горбун пригубили чаши. Гости перекусили пирогами с зайчатинной, съели по миске густой, наваристой ухи.

Когда Рада все убрала, Горбун со своим шестопером ушел во двор.

В доме пошел разговор.

Начал его купец:

– Мне известно, что у дружины твоей будут дела в крепости, а какие именно, я не знаю. Человек, который был тут, сказал, что ты мне все расскажешь. Ну так говори, князь.

Савельев рассказал хозяину дома об интересе русского Царя к теперешней системе укреплений замка и посадов, численности городского войска, и особенно о схронах, которые якобы есть в ближайших лесах. В них через подземные

ходы можно доставить продовольствие и порох. Потом, уже во время осады, никто не сможет помешать полоцкому воеводе забирать оттуда все это по мере надобности.

Купец кашлянул, кивнул и заявил:

– В городе, насколько мне известно, сейчас около трех тысяч ратников. Большая часть их – литовцы и поляки, наемники, есть и ополчение. В случае подхода врага воевода Довойна может призвать к обороне и посадских мужиков, которые не входят в ополчение мирного времени. Это еще тысяча десять. Но мужики есть мужики. Вояки из них не ахти какие, да и особого желания помирать за шляхту, которая засела в замке, они почему-то не имеют.

– Их могут заставить.

– Могут, конечно. Но как из сельчан в короткий срок сделать воинов? Никак. Мужик так самим собой и останется. Оружия в крепости в достатке, пушек много. В основном они находятся на стенах замка, но есть и в Великом посаде, со стороны реки. Стены посада не так крепки, как замковые, но огонь малых и средних пушек они выдержат. Я тут набросал чертеж укреплений. Вот возьми. – Он передал князю бумагу.

Дмитрий взял ее, сунул за пазуху и сказал:

– Позже хорошенько посмотрю, сверю с тем, что там есть на самом деле. Что ты знаешь о схронах?

– Дравес говорил мне, что они действительно есть на северо-западе, в лесу. К ним ведут подземные ходы. Я вчера отправил в Полоцк пять телег с мукой, вяленным мясом, коп-

ченостями. Сегодня туда ушел еще один обоз.

– Тогда твои возницы должны знать, где начинаются подземные ходы. Разве нет?

– Нет. Воевода Довойна хитрый лис. Он об этом подумал, все устроил. Купцы подвозят товар к подворью Дравеса. Там, мол, собирается обоз в Вильно. Он туда и двинется, но пустой, вернее сказать, загруженный всяким хламом и под охраной польских наемников.

– Да, ты прав. Довойна действительно все продумал. Как считаешь, когда он заполнит схроны?

– Да уже заполнил, наверное. Один только я передал ему столько провизии, что ее хватит кормить всю рать дней десять. А еще Стефан да другие купцы.

– Значит, схроны уже могут быть заполнены и закрыты?

– Да.

– Но тогда получается, что и твой товарищ не ведает, где они и как к ним выйти?

– Пока не ведает, но узнать может. Он вхож к воеводе, ко многим знатным людям.

– Когда я смогу встретиться с Дравесом?

Коваль посмотрел на Дмитрия и заявил:

– Не слишком ли ты торопишься, князь? В таких делах спешка только во вред выходит.

– Знаешь, купец, не хочу тебя обидеть, но мне лучше знать, что и как делать.

– Извиняй, конечно. Ясно, что русский Царь не поставит

абы кого начальствовать над особой дружиной и не пошлет на такое задание. Но я думаю, что поначалу надо обустроить твоих людей на починке. Тебе тоже стоит уйти туда. Здесь, на селе, народ всякий проживает. Завистников много. Прознают про тебя, о том, что ты у меня гостишь, передадут в город. Так вот и угодишь ты на дыбу. Пытки-то, может, и выдержишь, но дело сорвешь, погибнешь зазря.

Купец был прав, и Дмитрий корил себя за несдержанность.

– Ладно. Обустроимся на починке. После того ты должен будешь сразу же провести меня в город, к своему товарищу, – сказал он.

– Да, конечно.

– Прислуга у тебя надежная?

– Об этом не беспокойся. Мои люди никому слова лишнего не скажут.

– Это хорошо. Кто проведет нас на починок?

– Сын мой. Я проводил бы сам, да как смотрел за погрузкой обоза, спину продуло, бывает, согнусь, а распрямиться не могу. Вот и сейчас поясница пуховым платком повязана.

– Хорошо. Пусть будет сын. А как же ты проведешь меня в город? Это надо будет сделать завтра.

– Так на повозке или санях. Уж вытерплю как-нибудь. Я после завтрака заеду на Веселый, привезу местную одежду. Ты один собираешься к Стефану?

– Нет, со мной будет человек.

– Это тот бугай, который во двор ушел?

Савельев усмехнулся и ответил:

– Нет, его в город брать нельзя. А то может случиться так, что он и без царского войска половину посада разгромит. Недюжинной силы молодец.

– Да, это сразу видно. Настоящий богатырь.

– А почему спрашиваешь?

– Одежду и сапоги надо вам подобрать по размеру. Тебя вижу, а каков второй человек будет?

– Да такой же, как я, только молодой.

– Ясно. Ну так что, я зову сына?

– Зови.

Купец через служанку Раду вызвал сына.

– Это Юрий, наследник мой, – сказал он. – А это, сынок, и есть тот самый московский воевода, о котором я тебе говорил – князь, ближний к русскому Царю.

Парень лет двадцати поклонился:

– Очень рад знакомству.

– Ты знаешь, Юрий, что надо делать? – спросил отец.

– Да, батюшка, провести русских на починок.

– Дорогу смотрели?

– Я посылал Язепа. Он сказал, что проехать скрытно вполне возможно.

– Мельник на месте?

– Да. Он должен был все там посмотреть, подготовить.

– Добро. – Купец взглянул на Дмитрия. – Коли вопросов у

тебя больше нет, то езжайте с Богом, князь! Хотя вы ведь ко мне пешком пришли. – Отец перевел взгляд на сына. – Тогда и ты коня возьми и веди его в поводу до стоянки дружины. Да сам веди себя достойно, рта почем зря не раскрывай.

– Понял, батюшка.

– Ну а я, князь, буду с утра, на повозке.

– Хорошо.

Хозяин дома проводил сына и гостей.

Во двор вышла женщина, жена купца.

– Ох, и в опасное дело ты ввязался, Никола! – заявила она.

– Оно того стоит. Глядишь, летом на Москве развернемся, будем жить там под покровительством самого Царя. Тут оставаться никак нельзя. Сколько товара я передал в город, и все задарма. Денег не дали, да еще и предупредили, дескать, будешь болтать, к праотцам вместе с семьей и работниками мигом отправишься.

– А русские тебе заплатят?

– Думаю, да, не обманут. Я должен сделать то, что надо русскому Царю. А потом мы уедем отсюда.

– Боязно мне, Никола.

– Мне тоже. Но когда вспомню, как поляк, который за товаром приезжал, посмотрел на дочь, так боязнь меняется желанием побыстрее убраться отсюда. Ведь этот наемник может просто так забрать нашу Софью, обесчестить ее.

– Не дай Господь.

– Пошли в дом.

– А Юрий когда вернется?

– Скоро.

– Как с его невестой Ядвигой быть?

– Коли любит Юрия, то поедет с нами. А не любит, то сыну такая жена не нужна. На Москве красавиц куда больше, чем здесь. Это тебе не Полоцк. Пойдем, Марья! Спать пора. А тебе еще надо мне спину растереть той мазью, которую дал лекарь.

– Тебе бы в бане попариться.

– Если от мази хворь не пройдет, то и попарюсь.

Купец с женой зашли в дом.

Починок Веселый стоял на большой лесной поляне. За оградой два дома, почти одинаковых, конюшня, летняя кухня и большой сруб русской бани. Калитка к пруду, свободному от камыша только перед ней.

Ратники, пришедшие сюда вместе с воеводой и сыном купца, тут же разожгли костры, чтобы было светло. Хвороста и валежника здесь хватало. Кузьма Новик и Истома Уваров отправились топить баню, Тарас Дрога с Лукьяном Балашом развели огонь в печи, чтобы согреть ужин, переданный женой купца.

Помощник Коваля Илья Мельник все показал Дмитрию.

Тот глянул на калитку и спросил:

– Это к пруду? Рыбу ловить?

– Можно и рыбу, – с усмешкой сказал Мельник. – Но чистился берег вовсе не для того.

– А для чего же?

– Пан Адамович со своими товарищами и девками после бани голыми прыгали в пруд.

– Понятно. Что в округе?

– Лес, – кратко ответил Мельник. – Починок я тебе, князь, показал. Теперь мы с Юрием поедem домой. Батюшка с матушкой его ждут.

– Спасибо вам, езжайте.

Ратники пошли в баню, напарились, поужинали и разошлись по домам. Гордей выставил охранение. Дмитрий по чину занял отдельную небольшую комнату.

Уснули дружинники поздно. Встали рано. Умылись, оделись, напоили, накормили коней.

После завтрака дозорный Бажен Кулик, который смотрел за дорогой, ведущей к починку, выкрикнул:

– Князь, повозка!

Снег подтаял, на колесах передвигаться было легче.

– Всем укрыться, коней за городьбу, быстро! – приказал Савельев.

– Так это же купец, князь, – сказал Бессонов.

Дмитрий взглянул на него.

– А если не он?

Ратники выполнили приказ, но оказалось, что приехал действительно Николай Коваль.

Он слез с повозки, в которой остался его работник Эдгар, подошел к Дмитрию.

– Доброго здравия, князь!

– Доброго.

– Ну и как вам тут?

– Спасибо за прием. Все хорошо, лучше не придумаешь. Давай одежду.

Купец достал из мешка домотканые рубахи, штаны, полукафтаны до колен со стеганой теплой подкладкой, пояса к ним, шапки на меху, сапоги.

Дмитрий подозвал Бессонова-старшего.

– Слушай, Гордей, я решил взять с собой в город твоего сына.

– Он такой же ратник, как и все прочие. В дружине уже тринадцатый год служит. Никаких послаблений ему быть не должно. – Бессонов повернулся и крикнул: – Влас!

– Тут я, батюшка, – ответил сын.

– Поди сюда!

Бессонов-младший подошел.

– Поедешь со мной в Полоцк, Влас, – сказал ему Савельев.

– Слушаюсь, князь!

– Переодевайся вот в это. Мы должны выглядеть как жители города.

– Вопрос один дозволю, князь?

– Давай!

– Оружие брать?

– Саблю, нож.

– Уразумел.

Дмитрий и Влас оделись.

Купец покачал головой и проговорил:

– Сабли надо бы убрать. Их носят только те жители Полоцка, которые состоят в ополчении. Слуги купцов имеют при себе оружие, когда охраняют товар хозяина.

Князю Савельеву и Власу пришлось снять с себя сабли.

– Гордей, смотри тут за всем, – сказал Дмитрий Бессонову-старшему. – Охранение не снимать, починок не покидать, если вдруг появится какой-то охотник или еще кто из местных, укрыться в домах. Табун держать за городьбой у пруда, там его меньше видно с дороги.

– Понял, князь.

– Да тут теперь никого не бывает. Прошли времена гуляки пана Адамовича. Тогда изрядный шум здесь стоял, когда он сюда с товарищами и девками приезжал, – проговорил купец.

Дмитрий кивнул и подтвердил свой наказ Бессонову:

– Делай, как я сказал. Мы поехали.

Савельев, Влас Бессонов и Коваль сели в повозку. Правил лошадей работник Эдгар. Он развернул повозку и повел ее к дороге на Полоцк.

Вскоре они проехали Бельдево, до которого от починка было не более пяти верст, потом пошли левым берегом реки

Полота. Справа остался Спасский монастырь, слева – озеро Воловье. Вдоль берега повозка добралась до открытых ворот Великого Посада. Охрана, состоявшая из трех ополченцев, не обратила на нее никакого внимания.

Начались улочки, переулки, застроенные довольно плотно. Лавки, торговые ряды, кузница, уголки сапожников, другого мастерового люда. Вскоре повозка оказалась на довольно большой площади, где только начиналось какое-то строительство.

– Чего тут будет-то? – спросил Савельев.

– Костел. Церковь есть, значит, нужен и он. Ведь на Посаде православных и католиков примерно поровну. Наши тут молятся, ходят в Спасский и Борисоглебский монастыри. Первый мы проезжали, второй на левом берегу Двины.

– Как же переправляться через реку?

– На лодках. Но в Борисоглебскую обитель народ ходит меньше. А вот католикам приходится для молитвы подниматься в Верхний Замок.

– Далеко еще?

Возница повернул в проулок и через два двора встал у крепких ворот, за которыми стоял большой дом.

– Приехали, князь!

– Ну и хорошо. Что-то я ратников на Посаде не заметил.

– А чего им по острогу шастать? Хватает и городской стражи из ополченцев, чтобы порядок блюсти и смотреть за округой.

Калитка открылась. Появился молодой литвин Густав Кални. Он узнал купца.

– Приветствую тебя, пан Коваль.

– Будь здоров, Густав. Хозяин дома?

– Да.

– Передай ему, что я с гостями приехал.

– Да, сейчас. Подождите.

– Скорей, Густав!

Слуга убежал, вскоре вернулся, открыл ворота.

Возница завел повозку во двор. У дома стоял солидный мужчина в одежде богатого купца. Он подошел к гостям, поприветствовал их.

– Князь Савельев Дмитрий Владимирович, воевода особой дружины, и его ратник Влас, – сказал Коваль. – А это купец Стефан Дравес.

Савельев кивнул.

Из дома вышла девушка в длинном платье. Она была необычайно хороша собой – светлые волосы, брови вразлет, полненькие губки.

Влас от восторга открыл рот.

Савельев ткнул его в бок и заявил:

– Гляди, птица залетит.

– Красавица-то какая, Дмитрий Владимирович!

Купец Дравес услышал это, ухмыльнулся и спросил:

– Понравилась, Влас?

– Очень.

– Это моя дочь Анна. Мать ее умерла три года назад от огненной хвори. Теперь сам воспитываю.

Девушка бросила искрящийся взгляд на ратника и юркнула за угол.

– Прошу в дом, дорогие гости, – сказал Дравес, повернувшись к слуге и распорядился: – Найди Габи, Густав. Пусть она принесет хорошего вина и закуски.

– Слушаюсь, пан!

Все прошли в дом, совершенно не похожий на русские. За прихожей – коридор, по бокам и в торце двери. На полу зеленые ковровые дорожки. На стенах, обитых досками, головы волков, кабанов, оленей – охотничьи трофеи хозяина.

Дравес завел гостей в первую комнату слева. Она была просторной, с двумя окнами, широкой лавкой под ними, большим столом, стульями вокруг него. Резные шкафы, ковер на полу. Повсюду подсвечники, миниатюрные фигурки зверей и сказочных персонажей.

Все присели на стулья.

– Рад приветствовать в своем доме московского князя, насколько мне известно, человека весьма влиятельного, ближнего к самому Царю Ивану Васильевичу.

– Я тоже рад встрече с тобой, почтеннейший пан Дравес. Надеюсь, наше знакомство будет взаимовыгодным.

– Главная выгода мне обещана от имени русского Государя. Однако мы, торговые люди, ищем ее повсюду, где только можно. Так-то вот, князь.

– Каждый человек занимается тем, что умеет делать лучше всего. Ты не спрашиваешь у меня царскую грамоту, пан Дравес. Почему?

– Так ее наверняка уже видел мой друг Николай. Но посмотрю и я, коли покажешь.

Савельев передал Дравесу царскую охранную грамоту.

Полоцкий купец прочитал ее и проговорил:

– Да, бумага серьезная. Да вот только здесь она не просто бесполезна, но и весьма опасна.

– Грамота вручена мне вовсе не для предъявления властям города Полоцка.

– Это понятно.

Служанка принесла кувшин с вином, чаши, блюда с различной закуской. По тому как эта самая Габи смотрела на купца, у Дмитрия зародилось сомнение в том, а просто ли служанка эта баба, еще вполне привлекательная. Но это их личные дела.

Мужчины выпили, закусили.

Когда Габи убрала со стола и вышла, Дравес спросил:

– Так что хочет узнать посланник московский от бедного купца?

Дмитрий улыбнулся и сказал:

– Не такой уж ты и бедный. Всем бы такую жизнь. А нужно мне от тебя не так уж и много. – Он довел до Дравеса то, что уже говорил Ковалю.

Полоцкий купец ненадолго задумался, затем проговорил:

– Нет, князь, я не сказал бы, что тебе нужно от меня совсем не многое. Ведь ты, по сути дела, хочешь узнать, от чего зависит способность городской рати оборонять крепость, выдержать длительную осаду.

– Так тебе есть что сказать по этому поводу?

– Схроны и подземные ходы здесь есть. Это очевидно. Плохо то, что мне об их расположении ничего не известно.

– Но узнать, где они находятся, ты можешь?

Дравес вздохнул и ответил:

– Это весьма сложно.

– Но возможно?

– В этом мире, князь, ничего невозможного нет. Тебе это известно так же хорошо, как и мне.

– Ты имеешь в виду, что все можно купить?

– Ну не все, конечно, но очень многое.

– Ответь прямо, купец, ты узнаешь, где находятся схроны и подземные ходы?

– Обещать ничего не буду, но очень постараюсь. Есть среди польских воинских начальников человек, слишком уж болтливый, когда выпьет. А до вина он большой охотник. Это хорунжий Тадеуш Витейский, первый помощник ротмистра Голубицкого, имеющего весьма большой вес в руководстве города. Именно Витейскому и передается провизия, полученная от купцов, а также порох, оружие, ядра. Уж он-то точно знает, где находятся схроны и как к ним пройти.

– У тебя есть с ним какие-то отношения?

– Да, причем весьма неплохие. Этот любитель выпить часто нуждается в деньгах. Их ему даю я. Возможно, оттого мне и поручен сбор провизии с наших купцов.

У Дмитрия заблестели глаза:

– Так это же очень хорошо, пан Дравес!

– Не скажу, что плохо. Однако у Тадеуша есть одна особенность. Когда он пьян, говорит много, но когда трезв – слова не вытянешь. Последние дни хорунжий не пил и даже пригрозил мне казнью, если я только заикнусь о схранах. Человек, выпрашивающий у меня деньги, мне же потом угрожает казнью! Такой вот подарок этот самый пан Витейский.

– И долго он может не пить?

– Вообще-то трезвым я его видел гораздо реже, чем пьяным. Не знаю отчего, но ротмистр Голубицкий прощает его.

– Надо попытаться узнать о схранах и ходах, пан Дравес.

– Так я и не отказываюсь, говорю же, что постараюсь, но обещать ничего не могу. И еще для того, чтобы разговорить Тадеуша, мне нужны деньги. Я, как и Николай, с этими схранами понес большие убытки, которые вряд ли покроет воевода Довойна.

– Сколько?

– У тебя, князь, русская монета?

– Есть и литовская.

– Давай прикинем в русской. Так тебе будет привычнее. – Дравес принялся считать в уме, потом сказал: – Для начала пять рублей.

– Стоимость пяти коров.

– И одного породистого скакуна. Но я не думаю, что Царь Иван Васильевич стал бы скупиться, имея надежду заполнить важные данные.

– Хорошо, будь по-твоему, – сказал Дмитрий, взял мешочек, который всегда держал при себе, вытряхнул из него на стол груду серебряных монет и отсчитал пять рублей.

– Держи, пан купец. Проверь.

– Мы должны доверять друг другу, – сказал Дравес и забрал деньги.

Коваль с нескрываемой завистью взглянул на него. Ему пока ничего не обломилось.

Хозяин подворья понял, что деловой разговор закончен, и предложил:

– Может, еще вина?

– Вино у тебя отменное. Но как бы мне не стать вторым хорунжим Витейским. Он ведь наверняка начинал пить понемногу и только самые лучшие вина, – сказал Дмитрий.

Дравес вздохнул.

– Да, а сейчас пьет только крепкое хлебное. Кстати, панове, многие поляки предпочитают русское. Свое у них, честно говоря, не особо хорошее.

Пока князь разговаривал с купцами, Влас вышел во двор. Он хотел еще раз увидеть дочь Дравеса.

Так оно и вышло. Девушка выглядела печально. Власу ка-

залось, что еще немного, и она расплатится.

– Ты чего это такая грустная, – спросил он, когда дочь хозяйина дома подошла к двери.

– Ой, не спрашивай, воин.

– Тебя кто-то обидел?

– Я не могу сейчас говорить, извини. Ты еще приедешь к нам?

Влас словно вознесся на небеса.

– Я все для тебя сделаю. Только скажи!..

Лик молодой красавицы посветлел.

– Так уж и все?

– Все, клянусь!

– Но ты сегодня впервые увидел меня.

– И полюбил. Разве так не бывает?

– Бывает, – сказала девушка и вздохнула. – Прости, не надо, чтобы нас видели вместе. Приедешь, я буду рада. Тогда и... – Договорить она не успела.

Объявился Густав Кални и сказал:

– Панна Анна, к тебе подруга.

– Елена?

– Других я не знаю.

– Пусть пройдет в мою комнату, – сказала девушка и так глянула на Бессонова-младшего, что у него затрепетало сердце. – Ты приезжай, – прошептала она и упорхнула в дом.

Следом за ней туда прошла еще одна панночка, но на Власа даже не посмотрела.

Ратник встретил воеводу весь радостный и беспокойный.

Дмитрий заметил это и спросил:

– Что с тобой, Влас?

Ратник изобразил удивление:

– Со мной? Ничего, князь. Я стоял, смотрел. К дверям комнаты, где тебя принимал купец, никто не подходил. Я вышел во двор. Все спокойно, воевода.

– Да? А вид у тебя почему-то такой, словно тебя Государь чином боярина пожаловал.

Бессонов-младший усмехнулся:

– Скажешь тоже, Дмитрий Владимирович! Я бы не прочь, конечно, стать боярином, но такого даже в сказках не бывает. Мы уезжаем отсюда?

– Да.

– А приедем еще?

Савельев вновь внимательно посмотрел на сына своего верного помощника.

– Нет, что-то здесь все-таки произошло. Ты обязательно расскажешь мне об этом, когда мы вернемся на починок.

– Да, но я...

– Не перечь! – резко оборвал его князь. – Расскажешь подробно. И не пытайся увиливать. Ты ведь знаешь, чем карается обман воеводы особой дружины!

Влас поник.

– Знаю, князь. Расскажу.

– Другое дело.

К ним подошел Коваль, Эдгар подал повозку, пан Дравес вышел проводить гостей.

Они покинули подворье, выехали к площади, где работы по какой-то причине были остановлены.

– Теперь куда? На починок? – спросил Коваль.

– Нет, купец, давай-ка мы осмотрим Посад, поглядим на Верхний Замок, если удастся, проедем туда.

– Хорошо. Эдгар! – окликнул Коваль возницу. – Давай ко вторым воротам у реки, оттуда вдоль стены до башни Верхнего Замка. Потом скажу, куда дальше.

– Пусть едет медленнее, – проговорил Савельев.

Купец передал это пожелание русского князя вознице.

Повозка медленно пошла по улице в сторону Посада и вскоре оказалась там, где стена и вал выходили к реке. По берегу можно было выйти из города, но лишь малым числом или в одиночку. Причем только днем. Ночью здесь наверняка выставлялся дозор.

Савельев взял это на заметку.

К середине дня князь с Власом уже без сопровождения прибыли на починок.

К ним подошел Гордей Бессонов и спросил:

– Как съездили в Полоцк, воевода? Что увидели, узнали?

Воевода присел на скамейку, помощник устроился рядом с ним и заявил:

– Ты извиняй, Дмитрий Владимирович, за то, что я обра-

щаюсь с тобой так вот запанибратски, но мы ведь вроде люди не чужие.

– Ты что, Гордей? Какие извинения? Да, съездили мы, посмотрели крепость. Она не без недостатков, конечно, но в общем довольно мощная. Воинов в городе пока немного, всего три тысячи, однако долго ли будет подвести их сюда из других крепостей, к примеру, из того же Вильно? Мужиков на Посаде вроде и немало, однако понятно, что это не та сила, которая может противостоять полкам Царя Ивана Васильевича. Хотя с ходу взять город не удастся. Встретился я с купцом, который обещал попытаться узнать про потайные сходы и ходы. Но знаешь, Гордей, отчего-то нет у меня ему веры.

– Почему так, князь?

– Сам не знаю. Нет, да и все тут.

– Думаешь, Дмитрий Владимирович, что он на стороне полоцкого воеводы?

– Кто ж его знает. Если оно и так, то сам он об этом нам не скажет.

– Ну, если он человек воеводы Довойны, то уже сегодня тот узнает о нашей дружине. А значит, его люди прижмут нас на этом починке и побьют.

– Мы уйдем отсюда прямо сейчас.

– А как же обед?

– В лесу перекусим.

– Куда пойдем?

– К болотам, где можно будет подороже жизнь продать или уйти. Я смотрел чертеж. Есть в трех верстах отсюда такое место.

– А коли купец полоцкий верно служит русскому Царю?..

– Вот это мы как раз и проверим.

– Каким образом?

– Оставим за прудом наших татар. Они посмотрят, что тут будет происходить.

– Да, уж они-то все увидят, ничего не упустят. Так мне что, объявить дружине сбор?

– Да, скорый сбор, отход по готовности. Начальствуй, Гордей, а я еще раз прикину, куда выгодней отойти.

– Уразумел, князь, исполняю!

Вновь пошел снег, тяжелый, мокрый. Это было на руку особой дружине.

Глава 3

Сразу после ухода гостей Стефан Дравес вызвал к себе своего помощника Доминика Майзера.

Тот явился без заминки, снял шапку, поклонился в пояс.

– Слушаю, пан.

– Ты отправил человека за повозкой Николя Ковалья?

– Да, пан, как вы и приказывали ранее. Послал Доната Магерю.

– Надеюсь, ты догадался не давать ему коня?

– Конечно, пан. Он пошел пешком. Да и разогнаться повозка на Посаде не сможет даже при всем желании вашего товарища.

– Как Магеря вернется, ко мне его! Приготовь мою повозку.

– Слушаюсь!

– Позови Анну.

– Да, хозяин.

Майзер вышел.

Вскоре в комнату зашла панночка в ярком праздничном наряде.

Купец недовольно посмотрел на нее и спросил:

– Ты чего это вырядилась? Или у нас нынче праздник какой?

– Ты же знаешь, отец, как я люблю красивые вещи.

– Вся в мать. Вероника тоже любила красивые платья, юбки, рубахи, шубки. – Взгляд купца помрачнел.

Анна обняла его за шею.

– Мама умерла. Что ж теперь поделаться, жить-то надо.

– Надо, дочь, надо.

– Ты меня звал по поводу русских?

– Да.

– Отец, ты сам видел, что с воеводой был ратник. Я, как ты и просил, показала ему, что он нравится мне, попросила приезжать еще. Говорили мы недолго и тайком. Знаешь, ведь не мальчишка уже, лет тридцати, а сразу влюбился в меня!

Купец улыбнулся.

– Ну вот так прямо и влюбился?

– С первого взгляда. Он сам сказал.

– Любовь это хорошо, Анна, но только тогда, когда не приходится думать, как выжить. Вот сыграем свадьбу с паном Войчиком после нашествия русских варваров, уедешь в замок Кракова, станешь знатной госпожой.

Девушка скривила губы и заявила:

– Отец, я не хочу замуж за Базыля Войчика. Да, он богат, известен в Польше, у него огромный замок. Но ведь ему боле сорока лет. Он уже был женат. Люди говорят, что его покойной жене жилось с ним нелегко. К тому же он хворый. Эта немочь постоянно укладывает его в постель. Как мне жить с таким человеком?

– Очень даже хорошо будешь жить. А то, что он хворый

и бездетный, просто замечательно. Ты станешь его женой, а значит, и наследницей всего состояния. Вряд ли он проживет долго. Тогда ты станешь богатой, весьма завидной невестой, будешь менять кавалеров налево и направо и выйдешь замуж по любви. Ради этого стоит немного потерпеть.

– Ладно, отец, я во всем доверяю твоему разуму и расчету. Посему повинуюсь тебе, как и положено послушной дочери. Но выстоим ли мы, когда сюда придут русские?

– Ты думаешь, я буду ждать, покуда они подойдут к городу? Окажу им услугу, ту самую, от которой Царя Ивана после перекосит от злобы, и уедем в Вильно. Оттуда свяжемся с паном Войчиком и отправимся в Краков. Я уже попросил его подобрать там дом для меня. Не стану же я жить с вами, молодоженами.

Панночка обняла отца.

– Я так люблю тебя!..

Дравес освободился от ее рук и сказал:

– Не время, Анна, миловаться. Теперь о том русском. Я видел этого ратника московского воеводы. Статный, симпатичный, но наш враг. Однако ты должна сделать так, чтобы он попал полностью под твои чары.

Анна самоуверенно заявила:

– Он уже влюбился в меня. А раз так, то безумен.

– Верные слова говоришь, умница ты моя. Привечай его.

– Да, отец.

– И помни, дочь, у тебя все только начинается. Счастье

твое впереди, и вовсе не с паном Базылем Войчиком. Хотя ему я, естественно, буду говорить совершенно другое.

– Я все понимаю.

– Ну, ступай, занимайся своими делами.

– Я хотела к подруге сходить.

– До обеда можешь побыть у нее.

– Спасибо, отец, – сказала изворотливая панночка и выпорхнула из комнаты.

«Эх, молодость! Да, деньги нужны, когда вся жизнь еще впереди. А что у меня? Все вроде бы есть, но нет главного, той счастливой поры, когда я млею перед своей любимой Вероникой», – подумал купец.

Ближе к обеду в дом вернулся Магеря. Он, как ему и было велено, тут же вошел в комнату купца.

– Что, Донат?... – спросил Дравес.

– Повозка с воеводой, ратником и купцом Ковалем сразу пошла к укреплениям посада, затем вдоль них. Заметно было, что русский князь осматривал валы и стены, пушки, ворота. Им удалось проехать и на территорию Верхнего Замка. Я туда за ними не пошел и правильно сделал. Они скоро вернулись и отправились в местечко Бельдево.

– Понятно. Моя повозка готова?

– Извиняй, хозяин, но теперь время молитвы и обеда.

– Да, ты прав. После поедем.

– Дозволь узнать, куда?

– Ну не на подворье же Ковалея или в починок Веселый.

Думаю, и без нас найдутся люди, которые наведаются туда.
– Уразумел, пан Дравес.

Дравес помолился, пообедал вместе с дочерью, вернувшись от подруги, поцеловал ее и сел в повозку. Магеря направила коня к воротам Верхнего Замка.

Стража там пропустила торговца без остановки. Она давно знала Дравеса.

На площади у Софийского храма он увидел ротмистра Голубицкого, прогуливавшегося там, приказал Магере остановиться, выбрался из повозки.

– Пан ротмистр, доброго дня!

– Пан Дравес, здравствуй! Какие дела привели тебя в Замок?

– Важные, пан ротмистр.

– Ну, если важные, то ступай к воеводе. У него, правда, сейчас Ян Глебович, но он не помеха.

– А вы, пан ротмистр, ждете кого-нибудь? – спросил торговец.

Реакция польского военачальника на этот вопрос неожиданно оказалась враждебной.

Он приблизился к Дравесу и злобно прошипел:

– А тебе, купчишка, какое до этого дело?

– Да что вы, пан ротмистр, так разошлись-то? Я же просто спросил.

– Э-э нет, вы, торгаши, просто так ничего не делаете. Ты

передал Витейскому провизию?

– Да.

Ротмистр смягчился, осмотрелся и осведомился:

– Чего не идешь во дворец?

– Да вот не знаю, стоит ли воеводе прознать о нашем тайном деле.

– Вот ты о чем. Есть что доложить ему?

– Есть!

Голубицкий еще раз осмотрел площадь. Сюда должна была подойти Луиза, как бы направлявшаяся в Собор. Ротмистр хотел договориться с ней об очередной встрече в своем доме, но она, видимо, заметила купца и прошла стороной.

– Говори, Дравес.

– Как бы кто посторонний не услышал. – Торговец намекал на стражу, что стояла поодаль, но могла слышать разговор.

– Говори тише, – посоветовал ему Голубицкий.

– Добро, слушайте.

Дравес рассказал поляку о визите князя Савельева, о его интересе к подземным ходам и тайным складам.

Ротмистр бросил быстрый взгляд на купца.

– Вот как? Значит, русские все-таки рискнули отправить малую дружину на поиски наших схронов?

– Да, пан ротмистр.

– А ну, пойдем во дворец.

– А воевода?

– Ко мне.

У Голубицкого в этом здании были свои палаты.

Они зашли в отдельную небольшую комнату со служебной, весьма скудной обстановкой.

Ротмистр указал на стул перед столом.

– Садись, купец.

Дравес повиновался.

Ротмистр встал у окна, взглянул на собеседника и заявил:

– Теперь давай докладывай все подробно.

Дравес рассказал, как Коваль привез к нему воеводу с охранником, упомянул о царской особой грамоте, о том, чем интересовался Савельев.

Голубицкий внимательно выслушал его и сказал:

– Что ж, это очень хорошо.

Купец удивился и спросил:

– Чего же тут хорошего, пан ротмистр? Русская дружина в городе.

– Мы и ждали ее, правда, сомневались, объявится ли. Она пришла. А хорошо то, что мы знаем об интересе русских к схронам и о том, что они прислали людей искать их. Дружина остановилась у купца Ковалья в Бельдево?

– Нет, в пяти верстах северо-восточнее, на починке покойного пана Адамовича, который теперь принадлежит Ковалю.

– Скрытное место подобрал им купец. Там можно долго просидеть. Оттуда нетрудно вести разведку и поиск.

– Надеюсь, ваши доблестные ратники уже сегодня разобьют эту дружину, – сказал купец.

Голубицкий укоризненно покачал головой:

– А зачем я тогда недавно велел твоей дочери пытаться завести знакомство с кем-нибудь из русских, если они тут объявятся?

Дравес развел руками:

– Вот этого я до сих пор не понимаю. Но Аннушка сделала все так, как ей было велено. Молодой ратник, который сопровождал своего воеводу, ой как заинтересовался моей дочерью. Он даже заявил ей, что влюбился в нее, как только увидел. Она на бегу сказала ему, чтобы приезжал еще.

Голубицкий усмехнулся и проговорил:

– Да, хитра не по годам твоя Аннушка. Панночка умная, расчетливая, а играет как! Молодец. За это ей будет награда. Ты когда собираешься отдать ее замуж за пана Войчика?

– По весне, как уедем в Краков.

– Хворь все чаще валит его, а наследников у него нет. Ты можешь не успеть, и тогда все его состояние уйдет в державную казну.

– За ним смотрят. Не понимаю, почему больной человек в годах решил взять замуж столь юную девицу.

– А затем, чтобы хоть в последние дни побыть рядом с ней, снова почувствовать себя молодым. Но все эти дела с дочерью касаются только вас. А для города она должна сделать вот что... – Голубицкий говорил недолго, вскоре закон-

чил речь и спросил: – Тебе все ясно?

– Ясно, пан ротмистр.

Голубицкий передал купцу карту города, выглядевшую так, будто она была создана в далекие времена.

– У меня имеется один вопрос, – сказал тот.

– Спрашивай.

– Сколько город заплатит мне за провиант и ту важную услугу, которую я окажу ему?

Ротмистр вспыхнул и заявил:

– Да как ты смеешь даже думать об этом! Ты помогаешь оборонять город, в котором живешь. Разве можно требовать за это деньги? Забудь о вознаграждении. Скажи мне спасибо, что я побеспокоился о том, чтобы ты с дочерью пережил осаду. Как только наша большая рать отгонит войска Царя Ивана, вы вольны будете уйти отсюда на все четыре стороны.

– Спасибо, пан ротмистр. А нельзя нам с Анной отправиться в Вильно прямо сейчас, еще до подхода русского войска?

– Нет, Дравес!.. – Голубицкий вздохнул и добавил: – Ты, наверное, плохо слушал меня либо вчера вечером выпил так много, что голова у тебя до сих пор не работает. Сколько раз можно повторять одно и то же?.. Езжай к себе и делай то, что велено. Помни, если что, сразу ко мне, но скрытно, чтобы русские не заподозрили неладное. Уразумел?

– Да.

– И никаких самостоятельных действий! Все согласовы-

вать со мной. Кроме того, что уже оговорено. Ступай!

– До свидания, пан Голубицкий.

– До свидания, купец.

Дравес не в самом лучшем расположении духа поехал домой. Он знал, что воевода города пан Довойна велел Голубицкому хорошо заплатить всем тем людям, которые знали о подземных ходах и тайных складах. А по словам ротмистра получалось, что ничего подобного не было. Купец прекрасно понимал, что тот, нимало не размышляя о шляхетской чести и достоинстве, решил прибрать эти деньги себе. Связь с пани Луизой, принадлежавшей к высшей знати города, обходилась ему очень дорого. Да и не мудрено. Эта шельма не только на редкость хороша собой. Ума ей тоже не занимать.

Ротмистр же, отпустив купца, вновь вышел на площадь у храма. Луизы нигде не было видно. Но к нему подошла молодая бабенка в одежде служанки, встала рядом, поправила чепец.

Ротмистр не обратил бы на нее внимания, если бы она не начала быстро и тихо говорить:

– Пан ротмистр, пани Луиза велела передать, что будет ждать вас по темноте в палатах своего дома.

– Своего дома? – удивился ротмистр. – А как же пан?

– Его не будет до утра завтрашнего дня.

– А куда?.. – Следующий вопрос ротмистр задать не успел.

Служанка поправила чепец и одежду и быстро пошла в сторону Верхнего Замка.

Голубицкий хищно оскалился.

«Сама не смогла прийти, прислала служанку. Хорошо, Луиза, даже очень. Но пора преподнести тебе сюрприз, иначе, дорогая, ты быстро сделаешь меня беднее церковной мыши», – подумал он и направился во дворец.

Замысел ротмистра был прост. Он хотел прекратить ублажать дорогими подарками завидную любовницу и начать пользоваться богатством ее мужа, знатного престарелого пана. А для этого требовалось немного. Просто сказать, что условия их взаимоотношений меняются. Теперь она будет платить за удовольствия близости, иначе об их связи узнает пан Гревич.

Нет, не совсем так. Ведь воевода говорил, что тот уже знает об этом. Но теперь пану рогоносцу станут известны подробности их страстных свиданий и слова дорогой супруги о дряхлом, опротивевшем старикашке, которому давно пора в могилу.

Луиза пойдет на его условия, потому как полностью зависит от мужа. Развод с ним – это катастрофа для нее. Она это прекрасно понимает, не поверит, что ротмистр способен на такую подлость.

Эх, правильно люди говорят. Блажен, кто верует. Конечно, ни о какой любви речи быть больше не может, но ротмистру она и не нужна. Ему требуется всего лишь дивное тело этой высокомерной пани, ее ласки, исполнение всех его прихотей. Этого он не лишится, к тому же вернет и приумно-

жит то, что уже потратил на Луизу.

Настроение ротмистра поднялось. Пока все шло хорошо. Опасения воеводы насчет русской угрозы он не разделял, был уверен в том, что Польша и Литва не отдадут Полоцк на растерзание полкам Ивана Грозного. Тот уйдет ни с чем, как поступали завоеватели, желавшие захватить город до него.

С Луизой все сложится так, как надо ему. Вдобавок он еще и уничтожит русскую особую дружину, наивный предводитель которой не допускает и мысли о том, что раскрыт.

Тогда ротмистр Голубицкий сам станет воеводой. Сначала Полоцка, а дальше?.. Но не стоит загадывать. Всему свое время.

Ночь на болотах прошла спокойно. Под утро заметно похолодало, и ратники вынуждены были достать тулупы, но очень даже неплохо выспались, а это было главное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.